

Научная статья
УДК 008; 81-139
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-251
EDN: SWMTQL

**Природно-ландшафтный культурный код народов Центральной Азии:
единство и вариативность фольклора и традиций**

Радик Ирикович Батыршин

Кандидат филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, г. Москва, Потаповский переулок, д. 16, стр. 10
batyrshin_ri@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0001-8859-8366](https://orcid.org/0000-0001-8859-8366)

Аннотация. Статья посвящена исследованию природно-ландшафтного культурного кода народов Центральной Азии стран СНГ на материале этнических традиций, обычаев и фольклора. Основными исследовательскими задачами является изучение специфики природно-ландшафтного кода культуры как культурологического феномена, а также изучение общности культурного кода у этносов Центральной Азии, являющейся обоснованием единства тюркской культуры. В результате проведенного исследования была представлена типология способов актуализации сакральных культурных смыслов, закодированных в природно-ландшафтном культурном коде народов Центральной Азии. Анализ мифологии и народного эпоса, а также ритуалов, культов и обрядов позволил обнаружить общность культурной семантики анализируемых символов культуры. В исследовании была также отмечена специфика этнической ментальности, являющейся частью природно-ландшафтного кода культуры и национально-этнической картины мира в целом. Автор указывает на сложившуюся на протяжении веков тенденцию тюркской ментальности к вертикально ориентированному мышлению, которое основывается на древних представлениях о вертикальной иерархии ареала жителей степей. «Верхнее» и «нижнее» расположение бытования народа по отношению к степному ландшафту объясняется народными поверьями тюркских этносов, связанных с представлениями о духах природы, обитающих ниже жилища людей, в ущельях и водоемах, и выше – в горах или на холмистой местности. Автором было доказано симбиотическое свойство природно-ландшафтного кода культуры, которое заключается в сращении культурных смыслов и артефактов, ритуалов и народного эпоса, связанных с природой, которые существуют в симбиотическом единстве в ментальном пространстве этноса.

Ключевые слова: мифология; тотемное животное; анималистическая символика; верование; традиция; обычай; этническая ментальность; культурная семантика; эпическое произведение

Для цитирования: Батыршин Р. И. Природно-ландшафтный культурный код народов Центральной Азии: единство и вариативность фольклора и традиций // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 251–260. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-251>. <https://elibrary.ru/SWMTQL>

Original article

**Natural landscape cultural code of Central Asian peoples: unity and variation
of folklore and traditions**

Radik I. Batyrshin

Candidate of philological sciences, professor, National research university «Higher school of economics». 101000, Moscow, Potapovsky pereulok, 16, bld. 10
batyrshin_ri@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0001-8859-8366](https://orcid.org/0000-0001-8859-8366)

Abstract. The article examines the natural landscape cultural code of the peoples in Central Asia and the CIS countries on the basis of ethnic traditions, customs and folklore. The main research objectives are to study the specificity of the natural landscape culture code as a culturological phenomenon, as well as to study the common cultural code features of the Central Asian ethnoeses, which justifies the Turkic cultures unity. The research presents a typology of ways to actualize the sacred cultural meanings encoded in the natural landscape cultural code of the Turkic peoples in Central Asia. The analysis of mythology, folk epos, rituals, cults and ceremonies shows the common cultural semantics of the cultural symbols under study. The study also outlines the specificity of ethnic mentality, which is part of the natural landscape

cultural code and the national ethnic picture of the world as a whole. The author points to the centuries-long tendency of the Turkic mentality to vertically oriented thinking, which is based on ancient ideas about the vertical hierarchy of the steppe dwellers' areal. «Upper» and «lower» people's existence in relation to the steppe landscape are explained by Turkic ethnoses' folk beliefs related to the notions of nature spirits living below people's dwellings, in gorges and reservoirs, and above – in mountains or on hilly terrain. The author proves the symbiotic character of the natural landscape cultural code, which means the fusion of cultural meanings and artifacts, rituals and folk epos related to nature, which exist in symbiotic unity in the ethnic mental space.

Key words: mythology; totemic animal; animalistic symbolism; belief; tradition; custom; ethnic mentality; cultural semantics; epic work

For citation: Batyrshin R. I. Natural landscape cultural code of Central Asian peoples: unity and variation of folklore and traditions. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):251–260. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-251>. <https://elibrary.ru/SWMTQL>

Введение

Природно-ландшафтный код этнической культуры – это сложная и многогранная система взаимосвязей между человеком и окружающей средой, закодированная в языке, фольклоре, традициях, ритуалах, мифологии и повседневной жизни народа. Природно-ландшафтный культурный код не просто отражает картину окружающей среды в ментальных репрезентациях социума, он активно участвует в её формировании, становясь фундаментом мировоззрения, определяя ценностные ориентации, социальную структуру и даже политические модели общества. Глубокое понимание этого кода позволяет не только проникнуть в суть национальной идентичности, но и раскрыть эволюцию культуры, адаптационные механизмы к изменениям ландшафта и климата, а также проследить взаимоотношения человека и природы на протяжении столетий, что становится как никогда актуальным в современных научных исследованиях культуры.

Безусловный приоритет в исследовании природно-ландшафтного кода культуры отдается изучению этнокультурных паремий, представленных пословицами и поговорками, предоставляющими уникальный доступ к культурному коду нации, поскольку, будучи краткими, емкими и образными высказываниями, они содержат в себе концентрированный опыт поколений, отражая не только ценностные суждения и моральные нормы, но и глубокие архетипы, связанные с природным окружением. Паремии являются своеобразными «капсулами времени» [Yablon, 2019], сохраняющими информацию о традиционных занятиях, социальной организации, религиозных верованиях и представлениях о мире, неразрывно связанных с ландшафтом. В дополнение к этому анализ паремий позволяет выявить, какие природные объекты имеют особое

значение для данной культуры, какие функции они выполняли, какие образы и символы с ними связаны, и как эти образы менялись со временем.

Однако выявление специфики природно-ландшафтного культурного кода на уровне исключительно паремиологического исследования является далеко не полным, исчерпывающим способом глубокого научного анализа этнической культуры. Исследование природно-ландшафтного культурного кода также включает в себя изучение *топонимики* (наименований географических объектов), *ритуалов* (обрядов, связанных с природными циклами), *мифологии* (мифов и легенд, связанных с природой), *традиционной медицины* (методов использования лекарственных растений), *искусства* (изобразительного искусства, музыки, литературы и пр.). Все эти источники информации взаимно дополняют друг друга, позволяя создать более полную и многомерную картину взаимоотношений между этносом и его природной средой.

В дополнение к этому, в фольклоре, традициях и обычаях этноса природно-ландшафтный культурный код раскрывается уже с другой стороны: с точки зрения не менее яркого и репрезентативного отражения этнической культуры в народном творчестве [Гуревич, 2024, с. 94]. Именно этому отдельному аспекту культурологического знания посвящено исследование, результаты которого представлены в данной научной публикации.

Основной исследовательской целью данной статьи является изучение природно-ландшафтного культурного кода народов Центральной Азии стран СНГ на материале этнических традиций, обычаев и фольклора, имеющих общие культурные корни и доказывающих культурное единство данных народов, позволяющее заявлять о существовании единой тюркской культуры.

Исследовательскими задачами данного научного анализа стали, соответственно: 1) изучение традиций, обычаев и фольклора стран СНГ ЦА, обнаруживающих общие культурные корни в репрезентации природно-ландшафтного культурного кода; 2) анализ примеров репрезентации природно-ландшафтного культурного кода в традициях, обычаях и фольклоре данных этносов; 3) поиск доказательств культурного единства и общности культурных корней этносов стран СНГ ЦА.

Методы исследования

В исследовании природно-ландшафтного культурного кода тюркских народов Центральной Азии использовался комплекс культурологических и гуманитарных методов, соответствующих заявленной научной специальности.

Культурологический подход позволил рассматривать природно-ландшафтный код как элемент системы ценностей, символов и смыслов, формирующих этническую идентичность. Применялись методы сравнительно-культурного анализа, структурно-семиотический и феноменологический подходы, что обеспечило выявление общих и уникальных черт в репрезентации природно-ландшафтного кода в традициях, обычаях и фольклоре тюркских народов.

Онтологический метод был использован для анализа природно-ландшафтного кода через призму универсальных категорий человеческого бытия (пространство, время, природа, человек), которые лежат в основе формирования этнического мировоззрения и мироощущения.

Герменевтический метод обеспечил интерпретацию народных представлений о природе, раскрытых в культурном контексте национально-специфических смыслов, а также выявление способов переосмысления этих смыслов в процессе исторического развития.

Аксиологический метод позволил выявить ценностные модели и иерархии, связанные с природно-ландшафтным кодом, а также проанализировать, какие природные объекты и явления приобретают особое значение в системе этнических ценностей.

Историко-культурный метод применялся для анализа трансформаций природно-ландшафтного кода на разных этапах исторического развития, а также для выявления тенденций в формировании и изменении культурных кодов в условиях межкультурных контактов и культурных границ.

Паремнологический анализ (анализ пословиц и поговорок) использовался для выявления концентрированных форм выражения культурного кода, отражающих архетипические представления о природе и ландшафте.

Анализ мифологии и ритуалов позволил проследить, как природно-ландшафтный код проявляется в мифах, легендах, обрядах и верованиях, а также выявить специфику сакрализации природных объектов.

Топонимический анализ применялся для изучения значимых географических названий, связанных с мифологическими и культурными смыслами.

Комплексное применение указанных методов обеспечило многомерное рассмотрение природно-ландшафтного культурного кода тюркских народов Центральной Азии, позволило выявить его структуру, функции и динамику в традициях, обычаях и фольклоре.

Природно-ландшафтный код в эпических произведениях тюркских народов

Культурное единство народов Центральной Азии, входящих в состав СНГ, а именно, казахского, киргизского, туркменского и узбекского народов – это самый сложный и многогранный феномен, сформировавшийся за тысячелетия тесного взаимодействия и взаимопроникновения различных этнических групп, начиная с самых ранних периодов миграций и освоения региона. Это не просто результат соседства, а плод длительного процесса культурного обмена, который происходил на разных уровнях – от повседневной жизни до высших проявлений искусства и философии.

Фольклорные произведения – сказки, легенды, былины, эпосы, – демонстрируют поразительное сходство тем и сюжетов у тюркских народов Центрально-Азиатского региона. Эпические произведения, такие как «Алпамыш», «Идегей», «Кузы-Курпач и Баян-Сылу», «Кур углы» представлены в национальных версиях казахов, узбеков, киргизов и туркмен, демонстрируя общие сюжетные мотивы героических путешествий, борьбы со злом и преодоления трудностей. «Книга моего деда Коркута» («Кетаб и дедем Коркут») – памятник огузского книжного эпоса, отражающий систему образов и мифологических констант, общих для многих тюркских народов Средней Азии и Казахстана [Бартольд, 2019].

Исследования древнетюркской мифологии показывают, что мифологические и эпические

сюжеты, выявленные в письменных источниках VI–VII веков, стали основой для формирования единой эпической традиции тюркских народов, что подтверждает генетическую связь и схожесть фольклорных мотивов [Давлетшина, 2021].

В статье о возникновении и развитии мифологии тюркских народов Центральной Азии отмечается, что общность мифологических воззрений и сюжетов у тюркских и ираноязычных народов региона возникла в результате многовекового культурного взаимодействия, что породило единые эпические образы и мотивы, такие как Семург, аждар, пери, Ахриман и другие [Шамусаров, Атаханова, 2020].

Сравнительный анализ сказок и преданий бухарских арабов и тюркских народов подтверждает наличие значительного культурного обмена и общих сюжетных структур в фольклоре региона [Шамусаров, 2009].

Обобщенно говоря, как эпические произведения, так и мифологические и легендарные сюжеты, а также пословицы и сказания разных народов Центральной Азии демонстрируют поразительное сходство тем и сюжетов, что подтверждается как классическими памятниками фольклора, так и современными исследованиями. Мотивы путешествий героев, борьбы со злом, преодоления трудностей, посвященные достижению богатства, любви или власти, широко распространены в устном народном творчестве казахов, узбеков, киргизов и туркмен. Они отражают не только общие исторические корни, схожие условия жизни в засушливом климате, кочевого и оседлого образа существования, но и глубокое взаимодействие с природой, которое нашло своё отражение в мифах и легендах, объясняющих происхождение горных хребтов, рек, животных и природных явлений.

В этих историях часто присутствуют образы тотемных животных, мифические существа, олицетворяющие силы природы, что свидетельствует о древних шаманских традициях, оставивших свой след в культуре региона.

Одним из распространенных тотемных животных, особенно у казахских племен, был конь. Конь был не просто основной тягловой силой и вычным и гужевым транспортом у казахского народа, он считался символом свободы, воплощением силы и признаком высокого социального статуса представителей данного народа. В народных преданиях коню приписывалось тотемное значение – способность защищать племя от нашествия врагов и приносить удачу в жизни

кочевых племен Центральной Азии [Кудерина, 2024]. В повседневной культуре кочевых племен практиковалось жертвоприношение, и лучших коней приносили в жертву богам. Черепа и копыта животного подвешивали к поясу во время военного похода, поскольку считалось, что эти предметы принесут счастье и сэберегут обладателя тотема от гибели. Доказательством использования данного тотема племенами Центральной Азии служат сохранившиеся наскальные рисунки копыта коня, называемого казахами «тулпар тас» (камень скакуна). «Тулпар тас» можно встретить на кирпичной кладке мавзолеев Центрального Казахстана, мавзолея Келин-там и на других сохранившихся с древних времен постройках [Ахинжанов, 1995].

В узбекской традиционной культуре конь также занимает центральное место: его наделяют божественной силой и способностью говорить и летать, что отражено в многочисленных эпических произведениях народа. По узбекскому поверью, дыхание лошади приумножает благосостояние семьи и излечивает от болезней, поэтому коновязь у узбекских юрт была всегда направлена в сторону жилища. Конь в узбекских народных преданиях обладал способностью отпугивать злых духов и был неизменным спутником святых людей [Аширов, 2023, с. 50–51].

По народным поверьям киргизов, конь также считался священным животным и наделялся тотемными свойствами оберега, приносящего здоровье, богатство и удачу [Жанисов, Артыкбаев, Есен, 2021]. Конь выполнял особую ритуальную роль в жизни киргизского народа: в погребальном обряде он сопровождал усопшего в потусторонний мир. Значительное место в киргизском эпосе отведено коню черной масти: как и в узбекских эпических произведениях конь наделен способностью летать и разговаривать с людьми [Осмонова, 2017, с. 44].

В туркменской культуре конь издревле считался священным животным и так же, как и в других тюркских культурах, коню приписывались тотемные свойства оберега от различного рода несчастий: набега врагов, болезней и пр. Помимо этого, в культе коня в туркменской культуре присутствовала система табу, что отражалось непосредственно в обряде погребения животного. Табуированным было также употребление в пищу мяса жеребцов. Забота о теле и костях тотема в народных поверьях была связана с идеей реинкарнации душ людей в теле животного. Возможно, по этой причине коня в турк-

менской культуре воспринимали как друга и члена семьи [Анищенко, 2016].

Наряду с конем, в народном эпосе тюркских культур присутствуют и другие тотемные животные и птицы: волк, бык, олень, лебедь и пр. Всем им в той или иной мере приписывались свойства оберега, приносящего счастье и благополучие в семью и охраняющего от всяческих напастей. Животные служили олицетворением силы и власти и выступали символами могущества нации.

То, что здесь очень важно отметить, – это специфика анималистической символики тюркских народов: общность семантики природно-ландшафтного культурного кода указывает на единство этнических корней, и несмотря на незначительные различия в их интерпретации, анималистические символы и тотемы служат ключом к общему культурному коду тюркской культуры.

Отдельного внимания заслуживает мифология в устном народном творчестве казахов, узбеков, киргизов и туркмен. Например, в казахском фольклоре, а именно, в народных преданиях, объясняются названия природных мест, что также является природно-ландшафтным культурным кодом [Муксулова, 2024]. Символика добрых и злых духов тесно переплетена с природой, и, по своей сути, идея духов и сверхъестественных сил зиждется на идее олицетворения природных сил. Лес, горы, реки и моря предстают в мифологических сюжетах как живые организмы, которые взаимодействуют с человеком: покровительствуют ему или наказывают за бездумность или беспечность своего существования. Мифологические образы Матери Умай Ана (женского божества, покровительницы всех матерей и их несовершеннолетних детей), Кобланды-батыра (главного героя национального движения казахского народа) и других героев народного эпоса олицетворяют силу и могущество казахского народа в мифологическом мужском и женском воплощениях.

Следует отметить, что в анализе фольклора народов Центральной Азии народный эпос рассматривается неразрывно с его мифологией. Причиной тому является тот факт, что героический эпос в устном народном творчестве каждого народа представляет собой древнейшую форму словесного искусства, которая берет свое начало непосредственно из мифологии [Панкин, 2008].

Идея покровительства сил природы над слабым беззащитным человеком пронизывает мифологические сюжеты всех тюркских народов. В частности, у узбеков одной из мифических составляющих является волшебная сила, которой наделяются артефакты или природные предметы, такие как меч, зеркало, кольцо, горящий камень или гребень, которые помогают героям преодолевать препятствия и спастись от злых сил: драконов, ведьм и других мифологических существ [Аширов, 2016]. Интересно отметить, что артефакты в мифологических сюжетах выбраны не случайно, они по своим физическим характеристикам напоминают элементы природного ландшафта. Так, в сказаниях, брошенный героем камень превращается в неприступную гору, полотенце – в широкую реку, гребень – в частый, непролазный лес, и т. д.

Природно-ландшафтный культурный код объективируется и в киргизской мифологии: мифы и легенды киргизского фольклора неразрывно связаны с древними представлениями этноса о мире, о живой и неживой природе, о происхождении названий созвездий, населенных пунктов, племен и народностей, местностей и пр., которые так или иначе связаны с мифическими персонажами и тотемными животными [Мифы и легенды Кыргызстана, 2025].

В туркменской мифологии силы природы и ее представители – птицы, животные, а также вымышленные существа, живущие в лесах, горах и водоемах – могут выступать как помощниками, так и злыми силами, с которыми человек вступает в борьбу за свое существование.

Интересно отметить, что у казахов, киргизов, туркмен и узбеков есть общий герой народного эпоса – Алдар-Косе – вымышленный фольклорный персонаж, который обманывает жадных богачей, глупцов и лентяев, помогает бедным и честным людям, вступает в единоборство со злыми духами – шайтанами [Сулейменов, 2021].

Общность мифологического эпоса тюркских народов проявляется также на уровне отрицательных мифических персонажей. Практически в каждой из этих культур есть мифические драконы – Аждарху – которые умеют превращаться в человека, похищают принцесс и отбирают у людей сокровища. Общим в тюркской мифологии является дух Пари, который также способен к перевоплощению в человека или животное. Шимурын – дух степей, сбивающий путников с дороги и пр. [Некоторые существа среднеазиатских мифологий, 2022].

Как мы можем судить по анализу мифических сюжетов и их персонажей в тюркской культуре, мифологический эпос народов отражает основы нравственных убеждений этносов, воплощенных в сверхъестественных существах, героях и богах, которые высвечиваются в четко обозначенных оппозициях нравственных идеалов добра и зла.

Природно-ландшафтный код в верованиях, традициях и обычаях тюркских народов

В научном анализе кодов тюркской культуры природно-ландшафтный код занимает особое место, поскольку у этих народов Природа имеет священный статус. Локальные географические объекты, которые так или иначе влияют на человека и отмечены постройкой культовых сооружений, считаются сакральными и почитаются в народной традиции как «священные места», предназначенные для проведения культовых обрядов [Мельникова, 2012].

В описании ландшафтных объектов присутствует широкий спектр символических кодов, таких, как числовой, цветовой, предметный, солярный, орнитологический, природный и другие символы [Павлинская, 2018], которые можно представить как типологические характеристики природно-ландшафтного культурного кода. Символические коды приносят в структуру природно-ландшафтного культурного кода глубокий сакральный смысл и метафорическую образность в его репрезентации.

Сакральные смыслы в тюркской культуре имеют свою особую иерархическую организацию: в архаичных верованиях народов Центральной Азии степь была местом обитания простых смертных, а все то, что находилось ниже или выше этого уровня – ущелья или горы, а также водоемы – считалось местом обитания «хозяев». «Хозяевами» представлялись некие «реальные силы», с которыми взаимодействовали люди и которые, в свою очередь, подчинялись божеству Земли и Великому Духу Неба Тэнгри [Безертинов, 2006, с. 21; Султанова, Хазбулатов, 2015, с. 367]. По утверждению исследователей, у всех элементов естественного природного ландшафта Великой Степи – рек, оврагов, ущелий, сопков и родников – были свои «хозяева», от которых зависело, по представлениям народов, их хозяйственное благополучие. По своей сути, люди «делили обитаемый мир» с его «хозяевами».

Киргизы, как и большинство других тюркских народов, также разделяли культ природы в своих верованиях и ритуалах. Скотоводы и

земледельцы поклонялись богам Земли и Воды, устраивая два раза в год, в начале зимы и весны, *тулее* – пиршество в честь этих богов. Киргизы варили в котлах мясо заколотых жертвенных животных и, поедая его, читали молитву божествам земли-воды Джер Суу [Абрамзон, 1990].

Следует отметить, что доисламские религиозные представления существовали в культурах народов в симбиотическом единстве: верований – культов – ритуалов. Так, например, культ богини Умай – матери-природы, о которой говорилось ранее, – сопровождался особым ритуалом: в юртах тюрков подвешивали сшитую из синей ткани куклу, символизирующую эту богиню, покровительницу матерей и детей, олицетворявшую природу земли и оберегающую людей и домашних животных от болезней [Доисламские верования древних тюрков, 2020].

Поклонение родине и природе у древних тюрков было связано с культом божества «Удук Йир-Суб» («Святая Земля-Вода»), которое почитали одновременно с реками, озерами, горами и другими элементами природы [Давлетшин, Зеленева, 2015].

Анализ многочисленных источников, посвященных изучению культов, обрядов и верований тюркских народов, показывает их неразрывную связь с природой и наличие сакрального смысла, который выражается через этно-специфический природно-ландшафтный культурный код. Эти культурные практики и представления отражают устойчивые модели восприятия и интерпретации природной среды, формирующие уникальную систему символов и смыслов, характерную для каждого этноса. Таким образом, природно-ландшафтный культурный код выступает как ключевой элемент в структуре традиционной культуры тюркских народов, обеспечивая связь между человеком, природой и мирозданием.

Стоит отдельно отметить, что элементы природы с ее закодированными природно-ландшафтными сакральными смыслами отражены в топонимах таких, как, например, горы Джалангач-Таш («голый камень»), Атагъа («лесистая речная долина»), Ат-Жайлоо («конское пастбище») и, в частности, в фитопонимах: Ак-Зол («белая скала»), гора Ак-Таш («белый камень») и др. [Мусуков, Улаков, Махиева, 2021], что указывает как на общность природно-ландшафтного кода тюркских культур, так и на симбиотичность его репрезентации в ритуалах, верованиях, обрядах и наименованиях природных мест обитания данных этносов.

Результаты исследования

Несмотря на тот факт, что природно-ландшафтный код культуры уже получил свое формальное определение в науке и был включен в типологию кодов культуры наряду с предметным, соматическим, гастрономическим и др. кодами культуры [БФСРЯ, 2024; Гудков, Ковшова, 2007, с. 97], глубокого научного исследования данного культурологического феномена пока не проводилось. В настоящей статье была предпринята попытка дать понимание природно-ландшафтного кода культуры как культурологического феномена с описанием специфики его объективации в культурах этносов.

Исследование, представленное в данной публикации, базируется на обширных научных наблюдениях и направлено на систематизацию способов выражения сакральных культурных смыслов, связанных с природно-ландшафтным культурным кодом тюркских народов Центральной Азии. Анализ конкретных примеров реализации этого культурного кода позволил разработать типологию форм и механизмов его актуализации в традиционных практиках и верованиях, а именно: 1) в языковых единицах, таких как паремии (которым посвящена отдельная публикация автора); в фольклоре (в сказках, былинах, легендах и народных эпосах); 3) в традициях, ритуалах и обрядах; 4) в мифологии и 5) в повседневной жизни народа, в которой природно-ландшафтному культурному коду отводится ключевая роль в наименовании географических названий местности.

В процессе исследования было обнаружено, что в природно-ландшафтном культурном коде заложены специфические элементы этнической ментальности, и если, по утверждению Г. Д. Гачева, русская ментальность в природно-ландшафтном коде структурирует «национальный образ пространства» как «равнинное мышление» [Гачев, 2008], то, по аналогии, мы можем предположить, что тюркская ментальность имеет тенденцию к вертикально ориентированному мышлению. Народные поверья, в которых реальным пространством жизни людей является степь, указывают на органичное сосуществование, некий симбиоз, человека с «хозяевами», обитающими ниже жилища людей, в ущельях и водоемах, и выше – в горах или на холмистой местности. Вертикальное расположение ареала человека в ментальных представлениях тюрков не отрицается ими, оно лишь уточняется: верхнее и ниж-

нее расположение бытования народа по отношению к степному ландшафту осуществляется человеком опосредованно, за счет взаимодействия с силами природы и с «хозяевами».

Анализ исследовательских материалов, посвященных тюркской культуре, показывает, что природно-ландшафтный культурный код – это не просто вкрапления элементов природы и ландшафта в наименования местности или в эпические произведения этноса, это именно код, расшифровка которого необходима для полного понимания культурной семантики элементов культуры. Если мы говорим о Матери-Земле, то у каждого народа существует своя культурная символика, свои особые образы, которые связаны с тотемами, ритуалами, специфическими оберегами, то есть целым арсеналом культурных смыслов и артефактов, которые существуют в симбиотическом единстве в ментальном пространстве этноса, в его национальной картине мира. Эта картина мира уникальна, как уникален и этнический природно-ландшафтный культурный код.

Заключение

Изучение природно-ландшафтного культурного кода народов Центральной Азии стран СНГ на материале этнических традиций, обычаев и фольклора дает нам понять, что образ природы у тюркских народов является значимой частью национальной картины мира данных народов.

Общность культурных корней, в свою очередь, доказывается совпадением культурной семантики природно-ландшафтных символов с самых ранних времен существования тюркских культур, которые попали в зону доступного научного обозрения исследователей культуры.

Символ природы не просто присутствует в повседневной жизни тюркских народов, он является доминантным элементом в обрядах, традициях и в народном эпосе этнической культуры.

Безусловно, установление точных культурно-этнических соответствий в наименованиях (топонимике), этимологии слов, в обрядовых действиях этносов и пр. – это задача других направлений гуманитарного знания, таких, как лингвистика, история, антропология и т. д. В задачи данного культурологического исследования входил анализ культурных феноменов, объединенных единой функцией репрезентации природно-ландшафтного культурного кода и обнаружение в них общей культурной семантики. Исследование подтвердило как наличие общих культурных

корней, так и совпадение культурных смыслов в природно-ландшафтном коде тюркских культур.

В рамках дальнейших научных исследований данный подход посредством природно-ландшафтного культурного кода видится достаточно перспективным инструментом научного анализа культурных феноменов других этнических культур.

Библиографический список

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи // Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. Кыргызстан, 1990. 480 с.
2. Анищенко А. Ю. Методическая разработка «Традиции народов Туркмении. Туркменский конь» // Мультиурок (07.05.2016). URL: <https://multiurok.ru/files/mietodichieskaia-razrabotka-traditsii-narodov-turkmenii-turkmienskii-kon.html> (дата обращения 01.12.24).
3. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. 296 с.
4. Аширов А. А. Культ коня в повседневной и обрядовой жизни узбеков // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2023. № 6 (134). С. 49–53.
5. Аширов А. А. Мотивы мира в узбекских народных эпических сказаниях // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2016. № 4 (04). С. 13–18.
6. Бартольд В. В. Тюрки. 12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии. Москва: Изд-во Юрайт, 2019. 154 с. URL: <https://urait.ru/book/tyurki-12-lekciy-po-istorii-tyurkskih-narodov-sredney-azii-444792> (дата обращения 13.05.25).
7. Безертинов Р. Н. Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство». Казань: РИЦ «Школа», 2006. 164 с.
8. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Словари XXI века / ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-Пресс Школа, Грамота, 2024. 764 с.
9. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
10. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. Москва: Гнозис, 2007. 288 с.
11. Гуревич Л. С. Семиотика лингвокультурной идентичности личности // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: Сб. науч. трудов. Вып. 7 / отв. ред. А. В. Федорук. Иркутск: Аспринт, 2024. С. 90–95.
12. Давлетшина Л. Х. Древнетюркская мифология и фольклорная традиция татар: истоки и полисемантизм образов // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2021. № 5. С. 43–54.
13. Давлетшин Г. М., Зеленева Ю. А. Представления о родине и родной земле у тюрко-татар // Вестник КазГУКИ. 2015. № 4 (ч.2). С. 40–44.
14. Доисламские верования древних тюрков. URL: <https://dzen.ru/a/X37Pzt7mZUOYYCJS> (дата обращения: 10.01.2025).
15. Жанисов А. Т., Артыкбаев Ж. О., Есен С. Г. Роль и значение коневодства в формировании традиционной культуры казахов Сарыарки // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 9. С. 9–13.
16. Кудерина А. Н. Тотемизм и его истоки в современном Казахстане // BilimAll. URL: <https://bilim-all.kz/article/22740-Totemizm-i-ego-istoki-v-sovremennom-Kazahstane> (дата обращения 05.01.2025).
17. Мельникова Е. Е. Природные сакральные объекты как основа формирования и развития сакрального туризма // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 421–429.
18. Мифы и легенды Кыргызстана // Oriental Express. Caucasus and Asia. URL: <https://www.orexca.com/rus/kyrgyzstan/legends.htm> (дата обращения 06.01.2025).
19. Муксулова А. Казахские мифы и легенды. URL: <https://www.zakon.kz/sovety/6420520-kazakhskie-mify-i-legendy.html> (дата обращения 06.01.2025).
20. Мусуков Б. А., Улаков М. З., Махиева Л. Х. Лексико-семантические и синтагматические особенности тюркских географических названий и апеллятивных лексем // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Серия: Филологические науки. 2021. № 4 (102). С. 80–89.
21. Некоторые существа среднеазиатских мифологий. URL: <https://dzen.ru/a/YfQ-MGLoZ1qWpkgR> (дата обращения 10.01.2025).
22. Осмонова Н. И. Ритуально-символическая природа традиционных празднеств кыргызов // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 43–49.
23. Павлинская Л. Р. Особенности ландшафта в эпосе и обрядовых текстах тюрков Сибири конца XIX – начала XX в. // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 97–103.
24. Панкин С. Ф. История и теория религий. Шпаргалки. Москва: Изд-во «Эксмо», 2008. 32 с.
25. Сулейменов А. Общность культурных ценностей тюркских народов // Qazaqstan tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32529> (дата обращения 09.01.2025).
26. Султанова М. Е., Хазбулатов А. Р. Сакральные природные места в тюркской физиофилософии: культурологическая концептуализация // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. 2015. № 5 (108). С. 366–370.
27. Шамусаров Ш., Атаханова Д. Возникновение и развитие мифологии тюркских народов центральной Азии // Восточный факел. 2020. № 1(1). С. 3–13.
28. Шамусаров Ш. Фольклорные связи тюркских народов Центральной Азии и среднеазиатских арабов // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 2009. № 1. С. 63–75.

29. Yablon N. Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule. Chicago (USA): University of Chicago Press, 2019. 384 p. URL: <https://nickyablon.com/books/remembrance-of-things-present-the-invention-of-the-time-capsule/> (accessed 09.11.2024).

Reference list

1. Abramzon S. M. Kirgizy i ih jetnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi = The Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural ties // Avt. vstup. st. S. T. Tabyshev. Kyrgyzstan, 1990. 480 s.
2. Anishchenko A. Ju. Metodicheskaja razrabotka «Tradicii narodov Turkmenii. Turkmenskij kon'» // Mul'tiurok (07.05.2016). URL: <https://multiurok.ru/files/mietodichieskaia-razrabotka-traditsii-narodov-turkmenii-turkmienskii-kon.html> (data obrashhenija 01.12.24).
3. Ahinzhanov S. M. Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana = The Kypchaks in the history of medieval Kazakhstan. Almaty, 1995. 296 s.
4. Ashirov A. A. Kul't konja v povsednevnoj i obrjadovoj zhizni uzbekov = The cult of the horse in everyday and ritual life of the Uzbeks // Izvestija AltGU. Istoricheskie nauki i arheologija. 2023. № 6 (134). S. 49–53.
5. Ashirov A. A. Motivy mira v uzbekskih narodnyh jepicheskikh skazanijah = Motifs of peace in Uzbek folk epic tales // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Jepsovedenie. 2016. № 4 (04). S. 13–18.
6. Bartol'd V. V. Tjurki. 12 lekcij po istorii tjurkskikh narodov Srednej Azii. = Türks. 12 lectures on the history of Turkic peoples of Central Asia. Moskva : Izd-vo Jurajt, 2019. 154 s. URL: <https://urait.ru/book/tyurki-12-lekcij-po-istorii-tyurkskikh-narodov-sredney-azii-444792> (data obrashhenija 13.05.25).
7. Bezertinov R. N. Drevnetjurkskoe mirovozzrenie «Tjengrianstvo» = Ancient Turkic worldview «Tengrianism». Kazan' : RIC «Shkola», 2006. 164 S.
8. BFSRJa – Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. Slovarei HHI veka = Big phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological commentary. Dictionaries of the XXI century / red. V. N. Telija. Moskva : AST-Press Shkola, Gramota, 2024. 764 s.
9. Gachev G. D. Mental'nosti narodov mira = Mentality of the world's peoples. Moskva : Algoritm, Jeksno, 2008. 544 s.
10. Gudkov D. B., Kovshova M. L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju = The Corporeal code in russian culture: materials for the dictionary. Moskva : Gnozis, 2007. 288 s.
11. Gurevich L. S. Semiotika lingvokul'turnoj identichnosti lichnosti = Semiotics of linguistic and cultural identity of an individual // Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremennyh nauchnyh paradigim: Sb. nauch. trudov. Vyp. 7 / otv. red. A. V. Fedorjuk. Irkutsk : Asprint, 2024. S. 90–95.
12. Davletshina L. H. Drevnetjurkskaja mifologija i fol'klornaja tradicija tatar: istoki i polisemantizm obrazov = Ancient Turkic mythology and the Tatars' folklore tradition: origins and polysemanticism of images // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 2021. № 5. S. 43–54.
13. Davletshin G. M., Zelenev Ju. A. Predstavlenija o rodine i rodnoj zemle u tjurko-tatar = Turkic-Tatar views of homeland and native land // Vestnik KazGU. 2015. № 4 (ch.2). S. 40–44.
14. Doislamskie verovanija drevnih tjurkov = Pre-Islamic beliefs of the ancient Turks. URL: <https://dzen.ru/a/X37Pzt7mZUOYYCJS> (data obrashhenija: 10.01.2025).
15. Zhanisov A. T., Artykbaev Zh. O., Esen S. G. Rol' i znachenie konevodstva v formirovanii tradicionnoj kul'tury kazahov Saryarki = Horse breeding role and significance in shaping the traditional culture of Saryarka Kazakhs // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2021. № 9. S. 9–13.
16. Kuderina A. N. Totemizizm i ego istoki v sovremennom Kazakhstane = Totemism and its origins in modern Kazakhstan // BilimAll. URL: <https://bilim-all.kz/article/22740-Totemizizm-i-ego-istoki-v-sovremennom-Kazakhstane> (data obrashhenija 05.01.2025).
17. Mel'nikova E. E. Prirodnye sakral'nye ob#ekty kak osnova formirovanija i razvitija sakral'nogo turizma = Natural sacral objects as a basis for the formation and development of sacral tourism // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2012. № 6 (37). S. 421–429.
18. Mify i legendy Kyrgyzstana = Myths and legends of Kyrgyzstan // Oriental Express. Caucasus and Asia. URL: <https://www.orexca.com/rus/kyrgyzstan/legends.htm> (data obrashhenija 06.01.2025).
19. Muksulova A. Kazahskie mify i legendy = Kazakh myths and legends. URL: <https://www.zakon.kz/sovety/6420520-kazahskie-mify-i-legendy.html> (data obrashhenija 06.01.2025).
20. Musukov B. A., Ulakov M. Z., Mahieva L. H. Leksiko-semanticheskie i sintagmicheskie osobennosti tjurkskikh geograficheskikh nazvanij i apelljativnyh leksem = Lexical-semantic and syntagmatic features of Turkic geographical names and appellative lexemes // Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. Serija: Filologicheskie nauki. 2021. № 4 (102). S. 80–89.
21. Nekotorye sushhestva sredneazijskikh mifologij = Some creatures of Central Asian mythologies. URL: <https://dzen.ru/a/YfQ-MGLoZ1qWpkgR> (data obrashhenija 10.01.2025).
22. Osmonova N. I. Ritual'no-simvolicheskaja priroda tradicionnyh prazdnestv kyrgyzov = Ritual and symbolic nature of traditional Kyrgyz festivals // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2017. № 1. S. 43–49.
23. Pavlinskaja L. R. Osobennosti landshafta v jepose i obrjadovyh tekstah tjurkov Sibiri konca XIX – nachala XX v. = Landscape features in Siberian Turkic

epic and ritual texts of the late XIX - early XX century. // *Kunstkamera*. 2018. № 2. S. 97–103.

24. Pankin S. F. *Istorija i teorija religij. Shpargalki = History and theory of religions. Crib notes*. Moskva : Izd-vo «Jeksmo», 2008. 32 s.

25. Sulejmenov A. *Obshhnost' kul'turnyh cennostej tjurkskih narodov = Common cultural values of Turkic peoples* // *Qazaqstan tarihy*. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32529> (data obrashhenija 09.01.2025).

26. Sultanova M. E., Hazbulatov A. R. *Sakral'nye prirodnye mesta v tjurkskoj fiziofilosofii: kul'turologicheskaja konceptualizacija = Sacral natural places in Turkic physiophilosophy: culturological conceptualization* // *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva*. 2015. № 5 (108). S. 366–370.

27. Shamusarov Sh., Atahanova D. *Vozniknovenie i razvitie mifologii tjurkskih narodov central'noj Azii = Origins and evolution of Turkic peoples' mythology in Central Asia* // *Vostochnyj fakel*. 2020. № 1(1). S. 3–13.

28. Shamusarov Sh. *Fol'klornye svjazi tjurkskih narodov Central'noj Azii i sredneaziatskih arabov = Folklore links of Turkic peoples of Central Asia and Central Asian Arabs* // *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: Istorija i sovremennost'*. 2009. № 1. S. 63–75.

29. Yablon N. *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago (USA): University of Chicago Press, 2019. 384 p. URL: <https://nickyablon.com/books/remembrance-of-things-present-the-invention-of-the-time-capsule/> (accessed 09.11.2024).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025